

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.010-037><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/gkwiop>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 327:32

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Черноморский регион в условиях столкновения пяти
глобальных геополитических проекций: Новороссии,
Большого Черноморского региона, «Пояса и пути»,
Триморья и Турецкого мира**А. А. Ирхин^{1,2} ✉ Г. Л. Мурадов^{3,4} О. А. Москаленко² Н. Э. Демешко² В. В. Немцев^{2,5}¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, <https://ror.org/05erbjx97>
(г. Симферополь, Российская Федерация)² Севастопольский государственный университет, <https://ror.org/053mxw461>
(г. Севастополь, Российская Федерация),³ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, <https://ror.org/04zn7jb34>
(г. Москва, Российская Федерация)⁴ Совет министров Республики Крым (г. Симферополь, Российская Федерация)⁵ Законодательное Собрание города Севастополя
(г. Севастополь, Российская Федерация)

✉ alex.irhin@mail.ru

Аннотация

Введение. Современный Черноморский регион выступает стратегическим узлом глобального геополитического соперничества ведущих держав. События Крымской весны, воссоединение Крыма с Россией и последовавшая специальная военная операция положили начало фундаментальному пересмотру постбиполярной западцентричной модели миропорядка, введя эскалационные риски для политики РФ, США, Китая, Европейского Союза, Турции и Ирана в указанном макрорегионе. Цель исследования – выявить и охарактеризовать геополитические проекты России, США, Великобритании, ЕС, Турции, Китая и Ирана в Черноморском регионе.

Материалы и методы. Исследование опирается на системный, геополитический, исторический и цивилизационный подходы, а также метод картографирования. Применяется методология критической геополитики: анализируется, как элиты конструируют геополитические проекции, интерпретируя географические и исторические факторы в интересах формирования будущего мирового порядка. Объект исследования – Черноморский регион; предмет – политика указанных держав в его отношении.

Результаты исследования. Выявлены пять ключевых геополитических проекций в Черномор-

© Ирхин А. А., Мурадов Г. Л., Москаленко О. А., Демешко Н. Э., Немцев В. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ском регионе: Новороссия (Россия) – рассматривается как российский Римленд, обеспечивающий выход в южное океаническое пространство и противодействие вторжению с моря; Большой Черноморский регион (США) – нацелена на вытеснение России и формирование «евро-атлантической общности» в восточной части региона; Инициатива трех морей (Великобритания и США) – объединение государств Адриатического, Балтийского и Черного морей, продолжающее историческую линию сдерживания России; «Пояс и путь» (КНР) – акцентирует транзитивный потенциал региона как узла между Азией и Европой; Тюркский мир (Турция) – создание туркоцентричной подсистемы международных отношений и реализация морской стратегии «Голубая Родина». Иран влияет на регион в пределах его Каспийско-Черноморской проекции в рамках дискурса, часто условно обозначаемого как «Персидский мир».

Обсуждение и заключение. Динамика текущих военно-политических событий показывает, что мир стремительно погружается в глобальный конфликт. Одним из главных регионов такого погружения стал Черноморский район мировой и региональной политики. Выявление и исследование геополитических проектов мировых и региональных держав в отношении данного пространства позволит понимать и формировать национальные интересы в важном для национальной безопасности России регионе.

Ключевые слова: Черноморский регион, Новороссия, «Пояс и путь», геополитические проекции, Большой Черноморский регион, Тримерье, Тюркский мир

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01354 (<https://rscf.ru/project/25-28-01354/>).

Для цитирования: Ирхин А.А., Мурадов Г.Л., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., Немцев В.В. Черноморский регион в условиях столкновения пяти глобальных геополитических проекций: Новороссии, Большого Черноморского региона, «Пояса и пути», Тримерья и Турецкого мира. *Регионоведение*. 2026;34(1):010–037. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.010-037>

The Black Sea Region in the Context of the Clash of Five Global Geopolitical Projections: Novorossiia, the Wider Black Sea Region, the Belt and Road Initiative, the Three Seas Initiative, and the Turkish World

A. A. Irkhin^{a, b} ✉, G. L. Muradov^{c, d}, O. A. Moskalenko^b, N. E. Demeshko^b, V. V. Nemtsev^{b, e}

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, <https://ror.org/05erbjx97>
(Simferopol, Russian Federation)

^b Sevastopol State University, <https://ror.org/053mxw461>
(Sevastopol, Russian Federation)

^c Moscow State Institute of International Relations, <https://ror.org/04zn7jb34>
(Moscow, Russian Federation)

^d Council of Ministers of the Republic of Crimea
(Simferopol, Russian Federation)

^e Legislative Assembly of the City of Sevastopol
(Sevastopol, Russian Federation)

✉ alex.irhin@mail.ru

Abstract

Introduction. The modern Black Sea region is a strategic kernel of global geopolitical rivalry of leading powers. The events of the Crimean Spring, Crimea's reunification with the Russian Federation, and the Special Military Operation that followed initiated a fundamental revision of the post-bipolar, Western-centric model of world order, introducing escalation risks for the policies of Russia, the United States, China, the European Union, Turkey, and Iran in this macroregion. The aim of this study is to identify and characterize the geopolitical projects of Russia, the United States, Great Britain, the EU, Turkey, China, and Iran in the Black Sea region, as well as those being implemented in the Black Sea region.

Materials and Methods. The study draws on systemic, geopolitical, historical, and civilizational

approaches, as well as a mapping method. Critical geopolitics methodology is applied: it analyzes how elites construct geopolitical projections, interpreting geographical and historical factors in the interests of shaping the future world order. The object of this study is the Black Sea region; the subject is the policies of these powers toward it.

Results. Five key geopolitical projections in the BSR have been identified: Novorossiia (Russia) viewed as a Russian Rimland, providing access to the southern oceanic space and countering invasion from the sea; the Wider Black Sea Region (USA) aims to displace Russia and form a “Euro-Atlantic community” in the eastern part of the region; the Three Seas Initiative (Britain) as an association of states of the Adriatic, Baltic, and Black Seas, continues the historical line of containing Russia; the “Belt and Road” (China) makes an emphasis on the transit potential of the region as a hub between Asia and Europe; the Turkic World (Turkey) is the creation of a Turkey-centric subsystem of international relations and the implementation of the “Blue Homeland” maritime strategy. The role of Iran in the framework of the “Persian World” project, which presupposes rivalry with Turkey, is outlined.

Discussion and Conclusion. The dynamics of current military and political events demonstrate that the world is rapidly plunging into global conflict. One of the key areas of this plunging is the Black Sea region of global and regional politics. Identifying and studying the geopolitical projects of global and regional powers in this space will help us understand and shape national interests in this region, which is crucial to Russia's national security.

Keywords: Black Sea region, Novorossiia, Belt and Road Initiative, geopolitical projects, the Wider Black Sea region, the Three Seas Initiative, Turkish world

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-01354, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01354/>).

For citation: Irkhin A.A., Muradov G.L., Moskalenko O.A., Demeshko N.E., Nemtsev V.V. The Black Sea Region in the Context of the Clash of Five Global Geopolitical Projections: Novorossiia, the Wider Black Sea Region, the Belt and Road Initiative, the Three Seas Initiative, and the Turkish World. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):010–037. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.010-037>

ВВЕДЕНИЕ

После событий 2014 года, изменивших Россию и мировой порядок, Крымский полуостров, Северное Причерноморье и Черноморский регион (ЧР) стали центром проектной геополитической конкуренции великих держав, создающих новое соотношение сил в мировом и региональном форматах. Воссоединение Крыма с Россией значительно ускорило процессы формирования новой системы мироустройства, а Черноморский регион – некогда периферийный район холодной войны – вновь стал центром региональной и мировой политики и военно-политического столкновения.

Такое внимание к региону определяется его положением геополитического перекрестка на существующей политической карте мира на границе Хартленда и Римленда. Влияние на него оспаривают морские и сухопутные державы. В условиях разворачивающегося мирового конфликта борьба ведется за вполне осязаемые и просчитываемые в экономических и военно-логистических показателях ресурсы. В этой конкуренции нет абстракций: если один выигрывает, это означает, что другой оплачивает ресурсами нации чужой выигрыш и свой проигрыш.

К мотивации жестокой конкуренции за Черное море и регион в условиях формирования новой модели мироустройства нужно добавить их трансформируемость в макрорегиональные геополитические модели: Черноморско-Балтийский макрорегион, Черноморско-Каспийский, Балто-Черноморско-Каспийский, Черноморско-Сре-

диземноморский, Средиземноморско-Черноморско-Каспийский и т. д. [1]. Все зависит от проектанта или державы, оперирующей морской либо сухопутной стратегией, а также от целей и задач программы экспансии.

Цели сухопутных держав связаны с желанием выйти к мировым океанам и, следовательно, к мировому движению товаров, которое, как правило, осуществляется через моря. В случае с морскими – это попытка овладеть труднодоступными ресурсами Хартленда, поставить под вопрос существующую неуязвимость и стратегическую глубину сухопутных держав, перекрыть для них выход в открытый океан, стать монопольными обладателями мировой морской логистики.

В таком осмыслении современный ЧР – это по сути сосуществование и столкновение пяти геополитических проекций (лат. *projectio* – «бросок вперед»): Новороссии, Большого Черноморского региона (США), «Пояса и пути» (КНР), Триморья (Великобритания и США) и Тюркского (Турецкого) мира. Определенное давление на регион оказывает Иран в пределах его Каспийско-Черноморской проекции и в рамках политики, которую можно условно обозначить как «Персидский мир».

Отечественные исследователи Д. А. Дегтерев и М. М. Агазаде отмечают, что в XXI в. международная конкурентоспособность стран во многом определяется их способностью извлекать выгоду из мировой системы морских перевозок, а безопасность морских путей играет одну из решающих ролей во внешней политике государств. Сегодня глобальные центры силы реализуют экономические, военно-политические и культурные экспансии во многом за счет морей, из-за чего моря и морские пути стали важными элементами геополитической конкуренции¹.

Цель статьи – выявить и проанализировать геополитические проекты мировых и региональных держав в ЧР.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Подходы к исследованию проблем и тенденций развития ЧР в России и на Западе различаются. Традиционно проблемы развития ЧР остаются в фокусе внимания западных «фабрик мысли». Им свойственны быстрое реагирование на любые геополитические трансформации, а также системное прогнозирование и моделирование сценариев развития ЧР², который с 2024 г. рассматривается как часть единого с Восточным Средиземноморьем³ пространства. Основные положения оперативных докладов «фабрик мысли» отражаются как в доктринальных документах, так и в сфере реальной политики.

В России же вопросы безопасности Черного моря и региона находят отражение преимущественно в научном дискурсе, что, с одной стороны, обеспечивает фундаментальное осмысление процессов, с другой – является причиной несколько запоздалого реагирования на сверхбыструю динамику событий и объясняет преимущественно «догоняющий» характер экспертизы, минимизирующий долгосрочное прогнозирование.

¹ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений. Под ред. Д.А. Дегтерева, М.М. Агазаде. М.: Аспект Пресс; 2023. С. 7.

² Ditych O. Four Swans of the Black Sea [Электронный ресурс]. European Union Institute for Security Studies. <https://doi.org/10.2815/842153>

³ Dalay G., Sabanadze N. How Geopolitical Competition in the Black Sea is Redefining Regional Order [Электронный ресурс]. Chatham House. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2024/03/how-geopolitical-competition-black-sea-redefining-regional-order> (accessed 05.02.2025).

Изучение и систематизация публикаций отечественных ученых за период 2014–2025 гг. позволяет обозначить несколько типичных подходов к осмыслению геополитического проектирования региона. Закономерно, что основной вектор продвижения государственных интересов России на данной территории требует формулировки концепции региона, поскольку события 2014 года обнаружили серьезные белые пятна: логика отнесения стран к ЧР в национальных научных исследованиях оказалась подчинена концепции Евросоюза [2; 3], при том что как такового российского проекта активного установления позиций в Причерноморье не было обнаружено [1].

В 2018 году альтернативный западным концепциям проект «Большое Средиземноморье» начали под руководством И. А. Чихарева крымские ученые. В задачи входило, во-первых, обоснование концепции проекта в ракурсе Концепции внешней политики РФ от 2016 г.⁴, а именно как связующего узла Ближнего Востока, ЧР, Кавказа, бассейна Каспия; во-вторых, изучение стратегий великих и региональных держав в регионе. Результаты работы представлены в серии качественных научных статей [4–7] и наиболее полно – в коллективной монографии (2023)⁵.

В отечественной традиции политика того или иного регионального либо внерегионального актора рассматривается изолированно, в частности Турция в ЧР [8–10], страны НАТО и Европейский союз (ЕС) в ЧР [11], китайский проект «Пояс и путь» в ЧР [12], влияние Инициативы трех морей на ЧР [13]. Однако наметилась тенденция к изучению политики держав региона во взаимодействии, например в статьях Г. Н. Валиахметовой, М. А. Герман [14], С. Ю. Козьменко [15]. Специальная военная операция (СВО) России на Украине заставляет авторов все активнее расценивать регион как объект внешнего влияния [16; 17]. Тем не менее этот аспект разрабатывается учеными стран антироссийского блока гораздо активнее [18–20], в том числе на основе привлечения методологии классической геополитики [21].

Изолированный характер имеет изучение Новороссии как политического конструкта и проекта. Пиковыми годами «припоминания» его потенциала для державного подъема России стали 2014–2015 гг.: Новороссию связывали с рождением страны⁶, реконструкцией государственности на постсоветском пространстве [22], успешным политическим проектированием [23], в том числе в крымском аспекте черноморской политики России [24; 25]. Лишь спустя два года после начала СВО на смену исследованиям о целесообразности возрождения проекта Новороссии для России [26–28] пришли научные работы, ориентированные на реинтеграцию новороссийских земель [29–31].

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что отечественные исследования ЧР носят преимущественно фрагментарный и «догоняющий» характер, отставая от западных сценарных разработок; наблюдается дефицит целостных российских стратегических концепций в отношении региона. Настоящее исследование предлагает системный анализ взаимодействия главных акторов и смещает фокус с описания прошлого на прогностическое осмысление будущей региональной динамики.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312?marker=65201M> (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений...

⁶ Миронов С. Новороссия – Новая Россия. *Защита и безопасность*. 2014;(3):1. URL: https://ormvd-zib.ru/n3_2014/novorossiya_novaya_rossiya/ (дата обращения: 15.06.2025).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает Черноморский регион как пространство пересечения геополитических интересов сверхдержав, мировых и региональных держав; предметом – механизмы взаимодействия и противоречия пяти геополитических проекций: Новороссии, проекта Большого Черноморского региона, инициативы «Пояс и путь», формата Триморья и Турецкого мира.

Хронологические и пространственные рамки. Исследование охватывает период актуализации указанных геополитических проекций, 2014–2026 гг. Пространственные рамки включают прибрежные и прилегающие территории Черного моря (страны Причерноморья), а также зоны прямого влияния перечисленных проектов (Центральную и Восточную Европу, Центральную Азию, Ближний Восток).

Дизайн исследования. Исследование имеет системно-аналитический характер с преобладанием качественных подходов и методов, где на основе сопоставления немаргинальных зарубежных и отечественных идей, концепций и доктрин в отношении ЧР синтезируются основные подходы держав и сценарии ближайшего будущего развития региона.

Исходными материалами выступили: концепции, официальные документы государств и международных организаций (авторские концепции в отношении Черноморского макрорегиона С. Тянь-Шанского, А. Е. Вандама (Едрихина), Х. Маккиндера, Н. Спикмэна; заявления Министерства иностранных дел, доктрины безопасности, меморандумы о сотрудничестве, тексты межгосударственных соглашений, относящихся к каждой из пяти проекций); аналитические доклады и экспертные оценки международных центров (включая Евросоюз, Великобританию, Тюркский совет, впоследствии – Организацию тюркских государств).

Методология исследования. Изучение ЧР в качестве динамичной системы предполагает его различные пространственные конфигурации. Это обуславливает применение методологии классической и критической геополитики, где пространство рассматривается в качестве конструируемого (элитами и народами на основе географии, истории, литературы, национальных мифов, экономики и производных идей) образа в контексте будущего развития державы или межгосударственных объединений.

В рамках методологии каждого из подходов – системного, геополитического, исторического и цивилизационного – применялся **комплекс методов**: геополитического анализа и синтеза – для выявления ключевых акторов, их интересов и инструментов влияния в регионе; сравнительно-исторического – для прослеживания эволюции каждой из пяти проекций и их взаимовлияния; дискурс-анализа – для интерпретации официальных текстов и риторических стратегий в рамках каждой проекции; картографического – для визуализации зон влияния и транспортных коридоров, ассоциируемых с проектами⁷; кейс-стади – для углубленного рассмотрения конкретных эпизодов столкновения интересов.

Процедура анализа. На первом этапе осуществлялись сбор и систематизация концепций документов по каждой проекции с выделением их целевых устано-

⁷ Для создания карт использовались сервис MapChart (Create your own custom map [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mapchart.net/> (дата обращения: 25.06.2025)), а также графические редакторы.

вок, институциональных механизмов и ресурсной базы. На втором проводился сравнительный анализ пересекающихся элементов (территории, транспортные маршруты, энергетические проекты) и точек конфронтации. На третьем – на основе дискурс-анализа выявлялись главные нарративы и символические маркеры, используемые акторами для легитимации проекций. На заключительном этапе синтезировались выводы о характере взаимодействия проекций и возможных сценариях развития региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Россия и проект Новороссии. Возвращение России к активной внешней политике в ЧР началось с пятидневной российско-грузинской войны в августе 2008 года, которая стала прологом к возрождению проекта «Новороссия», не оцененной в полной мере проекции восстановления исторической России после развала СССР в 1991 г. (рис. 1).

Р и с. 1. Карта с проекцией Новороссии (по границам Новороссийской губернии в 1796 г.)

F i g. 1. Novorossiya projection (according to Novorossiya Province of 1796)

Источник: Здесь и далее составлено авторами с использованием сервиса MapChart (URL: <https://www.mapchart.net/> (дата обращения: 25.06.2025)), графических редакторов, Карта Новороссийской губернии из 12 уездов [Электронный ресурс]. В кн.: Вильбрехт А.М. Российский атлас, из сорока трёх карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий (1800). URL: <https://geoportal.rgo.ru/record/5976?ysclid=ml3movct4e527238652> (дата обращения: 16.02.2025)

Source: Hereinafter in this article all maps were drawn up by the authors using the MapChart service (Available at: <https://www.mapchart.net/> (accessed 25.06.2025)), graphic editors, Map of Novorossiysk Province of 12 Districts. In: Vilbrecht A.M. Russian Atlas, Consisting of Forty-Three Maps and Dividing the Empire into Forty-One Governorates (1800). Available at: <https://geoportal.rgo.ru/record/5976?ysclid=ml3movct4e527238652> (accessed 16.02.2025)

В многотомном труде «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», изданном в 1910 г. под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, обозначено, что Новороссия включала в себя Бессарабскую, Херсонскую и Таврическую губернии, области Войска Донского и Ставропольской губернии, занимала южную

окраину Европейской России, примыкавшей к Черному морю и к Манычу – впадине, по которой когда-то Каспийский бассейн, видимо, соединялся с Черноморским⁸. Крым и Новороссию автор видел не только как путь в Средиземноморье, но через Кавказ – в Персию и Афганистан и затем в Азию.

Кроме того, Новороссия, широко и беспрепятственно сливаясь в бассейне Каспийского моря со степями Средней Азии, была самой широкой дорогой с Востока на Запад. Черное море – крайний северо-восточный отпрыск сложной системы внутренних морей между Европой, Азией и Африкой, которая называется Средиземноморским бассейном и выступает колыбелью современной европейской цивилизации⁹.

В обзорной статье П. И. Пашковский детально анализирует и систематизирует теоретические наработки крымских ученых А. Р. Никифорова, А. В. Мальгина, С. Н. Киселева, А. С. Филатова в отношении феномена Новороссии [25].

А. В. Мальгин определяющим фактором политических и социокультурных процессов на территории Новороссии назвал степной ландшафт, делающий ее продолжением Евразии, а саму Новороссию обозначил как «грандиозный коридор», по которому с Востока на Запад тысячелетиями двигались массы преимущественно кочевых степных этносов. Однако вплоть до XVIII века ни один из них не сумел стать основой сколько-нибудь устойчивого оседлого сообщества. Море выделено в качестве второго важного фактора, так как именно оно связывает Новороссию со Средиземьем (Средиземноморьем), выступая в роли проводника ценностей великих цивилизаций Юга Европы на русский Север. Недр – третий фактор: промышленный рост, ставший результатом открытия угольных и железорудных месторождений, привел к социальным и демографическим изменениям, привлек к освоению региона представителей различных этносов обширной Российской империи (Советского Союза) и заграницы [26, с. 337].

Итак, социально-экономическая суть Новороссии – это синтез степи (выращивание зерна), Черного моря с выходом в Средиземноморье и полезных ископаемых, которые дали новый импульс экономическому развитию данного пространства в индустриальную эпоху. Распад Советского Союза оставил Новороссию за пределами РФ, как и многие другие территории Российской империи, без которых она не может вернуть статус мировой державы и одного из мировых цивилизационных центров. В XXI веке Россия начала пересмотр итогов холодной войны, что выразилось в стремлении вернуть себе береговую линию в Черном море и оживило историческую память о Новороссии. К 2023 году, после превращения Азовского моря во внутренний водоем страны, протяженность береговой линии России в Черном и Азовском морях увеличилась по сравнению с 1991–2014 гг. на 1800 км¹⁰.

Один из лидеров концепции Большого Средиземноморья для России, И. А. Чихарев [4; 5], характеризовал Крым и его основной порт Севастополь как «Римленд России». Однако сейчас представляется, что вся Новороссия есть Римленд (лат. *Rim* – «дуга, обод»; *Rimland* – дуговая земля с выходом в море и океан) России: она позволяет, во-первых, выходить в южное океаническое пространство и постоянно там присутствовать, во-вторых, противостоять вторжению с моря.

⁸ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Новороссия. Крым. В кн.: Макаров А.Г., Макарова С.Э. (сост.) Малороссия. Новороссия. Крым: полная история южного русского края. М.: Алгоритм; 2014. С. 92.

⁹ Там же. С. 92–93.

¹⁰ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе. Под ред. А.А. Ирхина. М.: Аспект Пресс; 2024. С. 250.

Российские попытки выхода в океаническое пространство сразу получали реакцию со стороны морских держав. Гонку за Мировой океан, в которую Россия включилась с опозданием, выиграли англосаксы. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., показав, что «в Москве расстались с линией на нерушимость постсоветских границ» [32, с. 141], привело к естественному возрождению проекта Новороссии и ее возвращению в лоно страны в начале XXI века. Это прогнозируемо вызвало сопротивление коллективного Запада. Речь идет, по сути, о втором геополитическом возрождении Новороссии, поэтому историческая ретроспектива и историческая география – эффективные инструменты для прогнозирования ближайшего будущего развития геополитической ситуации и военно-политических конфликтов в ЧР.

Последние несколько столетий стремление России получить выход к морям встречало сопротивление англичан и французов, а затем в рамках стратегии сдерживания – и американцев. По этому поводу А. Е. Вандам (Едрихин) писал, что для «...всемирных завоевателей и наших жизненных соперников англичан <...> испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является <...> своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник <...> теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии»¹¹.

Эти рассуждения в рамках ретроспективы и исторической географии позволяют подчеркнуть принципиальную разницу между первой и современной реализацией проекта Новороссии – русского Римленда. В XVIII – начале XIX века Запад был глубоко разделен в борьбе между главными державами того времени: Францией и Великобританией. Британия, пользуясь логикой противопоставления держав на суше континентов, формировала антифранцузские коалиции, главной силой которых стала Россия. В тени этой войны страна успешно рвалась к морям: произошло продвижение и возвращение России на Балтику Петром Великим, успешно завершилась борьба за выход к Черному морю и Средиземноморью Екатерины Великой в конце XVIII века.

В настоящее время такой разделенности Запада перед попыткой России вернуть свой относительно независимый выход в Мировой океан не наблюдается. Напротив, Запад достаточно един в новой политике сдерживания и активно сопротивляется попыткам России восстановиться после развала СССР, называя их российским державным ревизионизмом.

США и Большой Черноморский регион (*Wider Black Sea Region*). Опирируя морской стратегией, США и Великобритания контролируют Мировой океан, однако Черное и Каспийское моря вследствие географии и правового режима остаются вне их влияния. Хотя именно они формируют геополитическую целостность, которая после распада СССР открыла перспективу экспансии для западной цивилизации в постсоветскую Среднюю Азию – к сердцу Евразии.

Западные державы уже предпринимали попытки проникнуть вглубь Евразии через Черноморско-Каспийскую дугу. Поражение России в Первой мировой войне позволило Германии, Великобритании, США и Франции активно продвигаться

¹¹ Вандам А. Наше положение. В кн.: Фурсов А. Русские о главном противнике. М.: Наше завтра; 2022. С. 123–124.

в этом направлении на обломках Османской и Российской империй. Брестский мир от 3 марта 1918 года передавал Германии контроль над Севастопольской военно-морской базой. Впоследствии через Босфор и Дарданеллы прошли англо-французские морские силы, которые организовали один из фронтов поддержки белого движения в Гражданской войне [33; 34].

Однако их интересы вошли в противоречие с приоритетами Соединенных Штатов, которые также пытались сформировать сферу влияния, что проявлялось в политике 28-го президента США В. Вильсона. В результате победы большевиков на территории России и постепенного ослабления проекта «белой» России количество англо-французских броненосцев в Черном море уменьшалось [35, с. 48–57]. Таким образом, открывается историческая закономерность, когда одновременное ослабление Турции и России позволяет морским державам преодолевать закрытость Черноморско-Каспийского региона как одной из проекций ЧР и проникать в критическое пространство Евразии – Центральную Азию, т. е. в глубины Хартленда.

В настоящее время Россия восстанавливает позиции, потерянные после 1991 г., Турция – после 1923 г., а США и Великобритания на основе итогов холодной войны пытаются перезагрузить однополярность и закрепить над Евразией контроль морских держав. Российская и Османская империи были в разных военно-политических лагерях, однако сходное понимание судьбы, уготованной им Западом, заставило сблизиться кемалистскую Турцию и ленинскую Россию и, несмотря на обилие противоречий, находить общий язык по стратегическим вопросам. Пока, по крайней мере, между Турцией Эрдогана и Россией Путина эта тенденция сохраняется.

Черное море попало в официальные документы США во второй половине 1990-х годов. С 2004 года начинает оформляться идея Большого Черноморского региона, в который включены семь прибрежных государств: Россия, Турция, Украина, Грузия, Молдова, Румыния и Болгария, а также Армения и Азербайджан, не имеющие выхода к Черноморскому побережью (последний имеет выход к Каспию, богат ресурсами и потенциальными логистическими возможностями), с перспективой расширения американского присутствия на восточную прибрежную часть Черного моря (рис. 2).

Одной из первых попыток концептуального оформления практических шагов США в ЧР с начала 1990-х годов стала презентация в 2004 г. Германским фондом Маршалла¹² (*The German Marshall Fund of the United States*) концепции «Развитие новой евро-атлантической стратегии в отношении Черноморского региона», которую развивает «Стратегия США в Черноморском регионе» (*US Strategy in the Black Sea Region*) Фонда «Наследие» (*The Heritage Foundation*)¹³.

Обе стратегии концептуализируют вытеснение России из региона за счет продвижения «евро-атлантической общности» в восточную часть ЧР: Украину, Грузию,

¹² Фонд включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹³ Asmus R., Forbrig J., Dimitro K. A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region...; Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. *Insight Turkey*. 2004;6(3):43–65. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26328588> (accessed 10.05.2025); Cohen A., Irwin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region. Washington, D.C.: Heritage Foundation; 2006. 11 p. Available at: <https://www.heritage.org/europe/report/us-strategy-the-black-sea-region> (accessed 10.05.2025).

Молдову, а также Азербайджан и Армению, которые, по мнению американских экспертно-аналитических центров, представляют собой геополитически целостный регион – Большое Причерноморье¹⁴. Два фактора должны были способствовать вытеснению России: замена российских миротворцев на международные военные силы; диверсификация путей поставки ресурсов из ЧР путем существенного замещения российских энергетических компаний [6].

Р и с. 2. Карта с проекцией Большого Черноморского региона, включающего прибрежные черноморские государства, Молдову и страны Южного Кавказа (Армению, Азербайджан и Грузию) [34]

Fig. 2. The Wider Black Sea region projection as area including the littoral states of the Black Sea, Moldova, and the Southern Caucasus countries (Armenia, Azerbaijan, and Georgia)

Источник: составлено с использованием Asmus R., Forbrig J., Dimitro K. A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2004. 30 p.

Source: Compiled using Asmus R., Forbrig J., Dimitro K. A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2004. 30 p.

После начала СВО, обозначив «...критическое значение ЧР для национальной безопасности шести прибрежных государств, нарастающую напряженность в регионе на восточной границе ЕС и рубежах НАТО и усиление России в регионе после 2014 г.», Конгресс США инициировал активную корректировку внешней политики США в ЧР и представил в декабре 2022 года «Акт по безопасности в Черном море» («*Black Sea Security Act of 2022*»). В 2023–2024 годах в деятельности Сената он фигурировал под названием «*Black Sea Security Act of 2023*». В этом документе черноморские государства представлены Турцией, Румынией, Болгарией, Молдовой, Украиной и Грузией; Россия отсутствует, хотя упоминается 18 раз¹⁵.

¹⁴ Bryza M. The Policy of the United States Toward the Black Sea Region. Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea. Ed. by R. Asmus. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2006. Pp. 37–42.

¹⁵ Black Sea Security Act of 2023 [Электронный ресурс]. US Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 05.02.2025).

В 2023 году на Форуме по безопасности в Черноморском регионе и на Балканах¹⁶, который принимала Румыния, прозвучала следующая оценка региона, определяющая его значение для Стратегии национальной обороны США: «*Он соединяет [Выделено авторами статьи. – Ред.] Европу с Ближним Востоком и территориями за ним, является ключевым узлом транзита энергоресурсов. Черное море было ключевой частью Шелкового пути до Рождества Христова. Оно соединяло Римскую империю с Азией. Это море служило мостом для Византийской империи, Османской империи, было торговым, миграционным и военным маршрутом. Оно выступает ключевой линией фронта трансатлантической безопасности*»¹⁷. По сути, «Акт по безопасности в Черном море» логически продолжает концепцию Евро-атлантического Причерноморья и Большого Черноморского региона. Другими словами, основная стратегия США в Черном море заложена в формулу «Черное море без России».

Следует понимать, что в условиях политики президентской администрации Д. Трампа реализация американской проекции Большого Черноморского региона может перейти элитам Великобритании, чей проекционный курс связан с концепцией Триморья и формированием альянса государств Адриатического, Балтийского и Черного морей.

Доктринальные основы внешней политики Д. Трампа первой каденции позволили определить курс США как «новый американский изоляционизм» [36]; документ второй каденции – «гимн новому изоляционизму», а основы внешней политики США емко метафоризированы в неологизме «Доктрина Трампа–Монро» (“*The Trump corollary to the Monroe Doctrine*”), который подразумевает «разумное и ответственное восстановление американской мощи и приоритетов, соответствующее американским интересам безопасности»¹⁸.

В целом курс будет выглядеть так:

1) сохранение американского присутствия в значимых регионах мира с передачей большей ответственности союзникам и одновременно их принуждением к увеличению экономического и военно-политического вклада в этот процесс;

2) сдерживание конкурентов (КНР и России) и ослабление соперников (Ирана, КНР) с переходом на управление создаваемой системой нового мирового порядка в логике «британского баланса», когда «дирижер» находится на значительном удалении, но оказывает решающее влияние за счет сформированных и поддерживаемых коалиционных противоречий.

«Новый изоляционизм» – необходимое и экзистенциальное условие сохранения державности США при существенном сокращении доли валового внутреннего продукта в мировой экономике и продолжающемся росте Китая. Американцам требуется выйти из конфликта в Украине и перевести значительную долю своих ресурсов на сдерживание КНР непосредственно в Восточной и Юго-Восточной

¹⁶ Black Sea and Balkans Security Forum [Электронный ресурс]. Available at: <https://bsec-organization.org/news/89163black-sea-and-balkans-security-forum> (accessed 05.02.2025).

¹⁷ Garamone J. U.S. Official Looks to Deter Russia in Black Sea Region [Электронный ресурс]. US Department of Defense. Available at: <https://clck.ru/3RWgx3> (accessed 05.02.2025).

¹⁸ National Security Strategy of the USA [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed 06.12.2025).

Азии, передав Великобритании и другим европейским союзникам по НАТО ответственность в иных регионах.

Великобритания и Инициатива трех морей (*Three Seas Initiative*), или Триморья, Междуморья (*Intermarum*). Великобритания – один из самых активных игроков в украинском кризисе, имеющий давние интересы в Черноморском бассейне. В сфере критической геополитики эти интересы берут начало в британской героике Крымской войны. Увидеть их можно в рассуждениях Х. Маккиндера и Н. Спикмэна – в поисках ответа на вопрос «Кому должен принадлежать Черноморский бассейн: странам Хартленда, державам, оперирующим морской стратегией, или Римленду?» Напомним, что Н. Спикмэн выводит Британию за пределы Римленда¹⁹.

Взглянем на мировую карту Российской и Британской империй XIX в.: чем были Индия и Крымский полуостров для Британской короны и Российского скипетра? Значение этих полуостровов, врезающихся в Индийский океан и Черное море соответственно, трудно переоценить. В настоящее время, учитывая независимость Индии, ситуация изменилась незначительно: Крымский полуостров является ключевым пространством возрождающейся России, Индия – важным звеном в сдерживании англосаксами Китая.

Каждая из геополитических схем Х. Маккиндера была функциональна для своего времени, причем с привязкой к британскому имперскому мировоззрению и формулам контроля над миром: Хартленд с сердцем в Афганистане – для середины и второй половины XIX – начала XX века, контроль над Восточной Европой – по итогам Первой мировой войны. В 1943 году Х. Маккиндер вводит новую геополитическую ось – США, обозначая двуполярный и блоковый мир²⁰.

В широком смысле «схватка» за Крым – это отражение первой и второй схем Х. Маккиндера: «Географической оси истории» (1904), где он пишет, что англичане должны стремиться контролировать Центральную Азию, и «Демократических идеалов и реальности» (1919), где ключом к сохранению Британии как великой державы выступает Восточная Европа – от Балтийского до Черного моря. В 1919 году термином «средний ярус Восточной Европы» он обозначил федерацию, которая простиралась бы от Балтийского моря до Адриатики и противостояла как Германии, так и России.

В промежутке между попытками контролировать постсоветскую Среднюю Азию и Восточную Европу происходит европейское, сейчас главным образом британо-французское, а вскоре и германское, моделирование нового механизма сдерживания России. Крым, судя по политической карте, занимает центральное (по значению) место как в Балто-Черноморской, так и Черноморско-Каспийской проекции этой конкуренции и западной экспансии. Речь идет о закреплении итогов окончания холодной войны вне возможности их пересмотра Россией. При этом США, подобно «ладье в Мировом океане», отплывают от восточно-европейского военно-политического кризиса на Восток – к решению первостепенных задач: навязывания конфликта Китаю, сдерживания и ослабления Ирана.

¹⁹ Спикмэн Н. География и внешняя политика. В кн.: Спикмэн Н., Шмитт К. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. М.: Родина; 2022. С. 6–75.

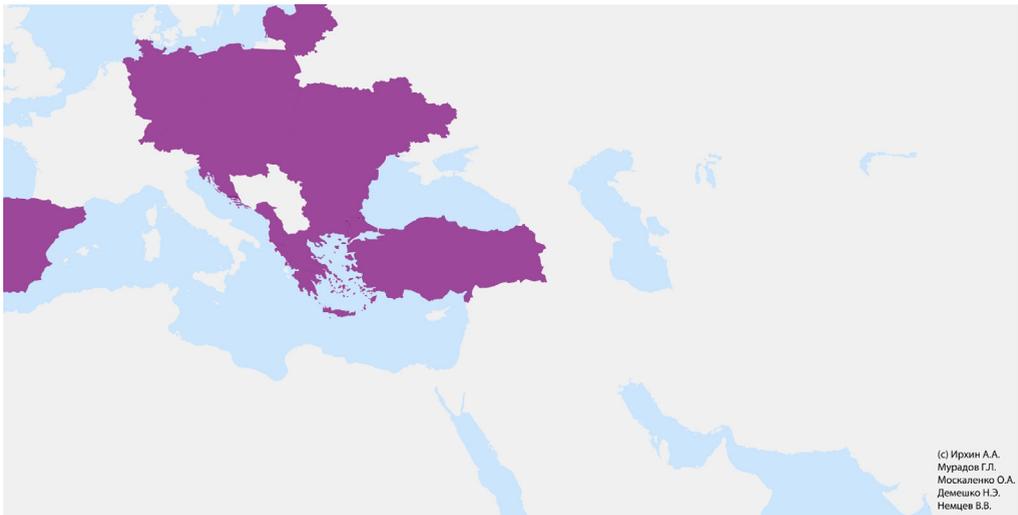
²⁰ Опубликовано несколько переводов на русский язык. Наиболее полный снабжен содержательным переводческим комментарием: Маккиндер Х. Круглая Земля и обретение мира. Пер., коммент. В. Цымбурского. *Космополис*. 2007;(1):119–132. URL: <https://www.intelros.ru/index.php?newsid=357> (дата обращения: 10.05.2025).

Проект Триморья объединяет государства Адриатического, Балтийского и Черного морей. Современная британская геополитическая проекция Триморья основана на исторической памяти и геополитической логике (рис. 3).

Многие исследователи видят корни данной концепции в польской идее «Польша от моря до моря» («*Polska od morza do morza*») и проекте «Прометеизм»²¹ [37, с. 117]. Планы Ю. Пилсудского по созданию Междуморья, а затем и проект «Прометей» тайно поддерживались французской и британской разведками: вплоть до 1947 г. Великобритания финансировала и активизировала федералистское движение в Восточной и Центральной Европе, в том числе в формате основания в 1940 г. Центрально-европейского федерального клуба (CEFC), присвоившего концепцию Междуморья²².

Необходимо выделить и украинские геополитические корни Триморья, которые актуализируются и разворачиваются в настоящее время. Речь идет об идеях украинской географической и геополитической мысли первой трети XX века. По мнению С. Рудницкого, выдвинувшего проект создания Балто-Понтийской федерации в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины, мировое политическое значение Украины заключено в том, чтобы она своим геополитическим пространством останавливала экспансию России к Адриатическому и Эгейскому морям, к Передней Азии и Египту, сделала бы невозможной экспансию к Индии²³.

Р и с. 3. Карта с проекцией Инициативы трех морей²⁴
F i g. 3. The Three Seas Initiative projection

²¹ The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. Orzelska-Staczek A. Warsaw: Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences; 2004. 228 p.

²² Ларуэль М., Ривера Э. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. Пер. с англ. А. Колгашкина; редактор перевода Д. Буневич. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив; 2019. С. 13–21.

²³ Рудницкий С. Чому ми хочемо самостійної України? Львів: Світ; 1995. С. 294.

²⁴ Отражает состав Инициативы до апреля 2025 г.

Сказанное отражает связь идей украинского мыслителя с решением британской геостратегической задачи XIX–XX вв., обозначенной Х. Маккиндером²⁵. Крыму украинский геополитик отводил особое место, считая Крымский полуостров ключом к морским коммуникациям Черного моря. Кто владеет Крымом, тот сможет контролировать выход Украины к морю и дальше – к океанам: «Потеря Крыма, где уже тогда (1917 г.) было большинство украинского населения, сразу вынесла смертный приговор украинской государственности. Ибо без Крыма нет самостоятельной Украины – он разбивает ее главную основу и опору – черноморский берег»²⁶.

Заметим, что линия сдерживания России в проекте Триморья подвижна: в моменты слабости России и силы Запада она смещается на Восток и наоборот.

Современная доктрина политики ЕС и Великобритании отражена в следующих документах: «Стратегический компас ЕС»²⁷, «Концепция безопасности НАТО»²⁸, обновленная «Глобальная Британия»²⁹. Они основаны на сформулированной в 2004–2006 гг. концепции Большого Черноморского региона, в которой нет места для присутствия РФ в ЧР. В споре великих держав Великобритания стремится к роли первой скрипки, что поясняется ее традиционным намерением присутствовать в Черном и Каспийском морях – в Крымско-Черноморско-Кавказском регионе, где первоначально находилось «ядро большой игры» и где русско-британские противоречия были крайне накалены [38], – выстраивая собственную линию обороны и вытесняя при этом Россию «обратно в азиатские степи». В историческом опыте Лондона присутствует и вариант, когда Россия временно исключалась из Черноморско-Средиземноморской игры (например, после Крымской войны 1853 – 1856 гг.).

Продолжающееся воздействие Запада нацелено на вытеснение России из региона с одновременным снижением влияния Турции (например, за счет «размывания» и обхода Конвенции Монтре), на организацию постоянного присутствия военных сил НАТО в Черном море (дополнительно к силам региональных Турции, Румынии и Болгарии), в том числе за счет альтернативных Черноморским проливам маршрутов.

На теоретическом уровне А. Е. Вандам выделяет два принципа британской стратегии, которые кажутся устойчивыми в веках: «...уничтожив морские силы своих соперников и заперев последних на материке, – удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота» и «...наложение на континентальные народы особого рода оков *balance of power*, под которыми... подразумевается... решение Англии не допустить на континенте Европы сколь-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы»³⁰.

Китай и «Пояс и путь» (一帶一路). Китайская политика в Черном море стала активно проявляться в начале XXI столетия. Черное море, точнее, Грузия, открывает европейское измерение китайского экономического и логистического проекта глобализации «Пояс и путь» (рис. 4).

²⁵ Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ; 2023. 352 с.

²⁶ Рудницький С. Чому ми хочемо самостійної України?... С. 294.

²⁷ European Union External Action (2022) [Электронный ресурс]. A Strategic Compass for Security and Defence. Available at: <https://tinyurl.com/z6uet9hr> (accessed 22.06.2025).

²⁸ NATO 2022 Strategic Concept [Электронный ресурс]. Available at: <https://tinyurl.com/3wruwh7c> (accessed 22.06.2025).

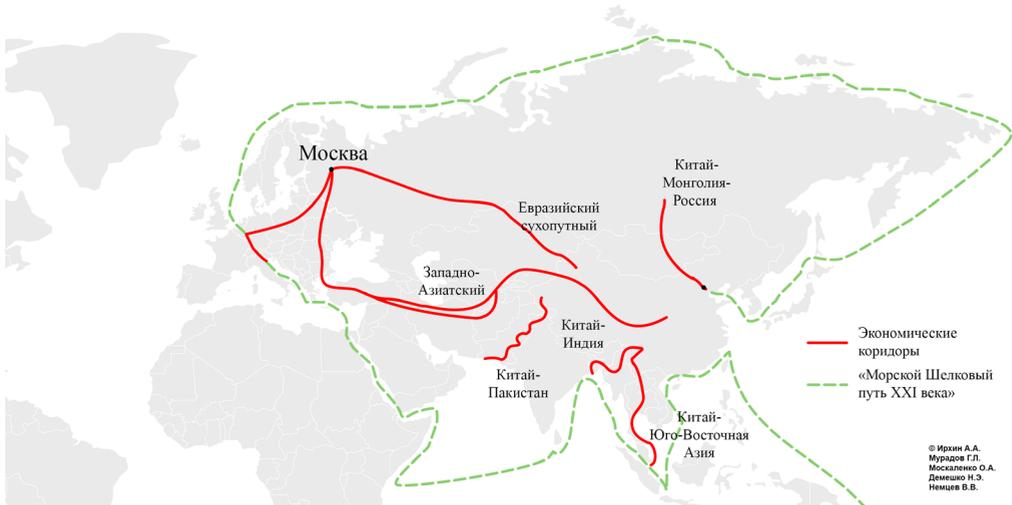
²⁹ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a More Contested and Volatile World [Электронный ресурс]. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 22.06.2025).

³⁰ Вандам А. Наше положение... С. 239–240.

В сентябре 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» как возрождение Великого Шелкового пути, связывавшего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока; в октябре – в обращении к парламенту Индонезии выдвинул концепцию Морского шелкового пути XXI века как возрождения древнего морского шелкового пути. «Новые шелковые пути» призваны связать Китай со странами Европы через обширные пространства, сухопутные и морские. Эти инициативы достаточно быстро обрели форму одной из главных составляющих китайской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии [39, с. 61–62].

По мнению С. Лю, хотя единого Причерноморского вектора внешней политики Китая не существует, можно выделить главный интерес, который преобладает при выстраивании им отношений со всеми странами данного региона. Этот интерес связан с транзитным потенциалом территории, находящейся между Европой и Азией, а также имеющей связь с Мировым океаном, что делает ее выгодным местом размещения инфраструктуры для реализации глобальной китайской инициативы «Пояс и путь» [40]. Традиционно экономический инструментарий КНР рассматривает в качестве приоритетного по сравнению с военным [41].

Р и с. 4. Карта проекта «Пояс и Путь» (с транспортными линиями)

F i g. 4. Belt and Road project map (with transport lines)

Источник: доработано авторами на основе инфографики с сайта Kommersant.ru: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения: 26.02.2025)

Source: Revised by the authors based on infographics from the website Kommersant.ru: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения: 26.02.2025)

В последние годы Китай активно инвестировал в инфраструктуру и порты в регионе Причерноморья, чтобы превратить его в ключевой транспортно-логистический узел между Азией и Европой в рамках реализации проекта «Пояс и путь»³¹.

³¹ Topuria R. Georgia Can Still Be a Hub for China, but Only if the Belt and Road Survives [Электронный ресурс]. *The Diplomat*. URL: <https://clck.ru/3RWhtm> (accessed 16.02.2025).

Особая роль отводится Грузии, для которой запланированы строительство мультимодального транзитного терминала и расширение морского порта Поты³². Для эффективной транспортировки минеральных удобрений из Центральной Азии к Черному морю разрабатывается план по развитию порта Батуми³³, через который грузы будут поступать из каспийского порта Баку.

Китай последовательно выстраивает отношения с Болгарией и Румынией, а до 2014 г. – с Украиной. Определенным прорывом для черноморской политики КНР были договоренности декабря 2013 года с В. Ф. Януковичем, украинским президентом, по созданию глубоководного хаба в западной части Крымского полуострова. После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. они потеряли актуальность.

Турция и Тюркский мир (Türk dünyası). Открытые документы внешней политики Турции дают представление о ее стратегии на суше в рамках создания тюркоцентричной подсистемы международных отношений (Организация тюркских государств, Тюркский мир) и морской стратегии «Голубая Родина» (рис. 5).

Р и с. 5. Карта с проекцией Тюркского мира

F i g. 5. The Turkic World projection

Многовекторная, на первый взгляд, двойственная и противоречивая внешняя политика Турции имеет вполне ясные и очевидные рамки, которые сформировали история и география современного государства в контексте концепта «турецкий баланс» [15]. Анкара благодаря Конвенции Монтре обладает существенной военно-политической автономией от союзников по НАТО в ЧР и противопоставляет политику коллективного Запада коллективному Незападу в условиях столкновения проектов глобализации США и КНР (соответственно Большого Черноморского региона и «Пояса и пути»).

³² Avdaliani E. China Set to Increase its Influence in Georgia [Электронный ресурс]. *Georgia Today*. URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/06/02/china-set-to-increase-its-influence-in-georgia/> (accessed 16.02.2025).

³³ Staikos A. Georgia's Batumi Port Seeks to Connect East and West [Электронный ресурс]. *Euronews*. URL: <https://clck.ru/3RWhxz> (accessed 16.02.2025).

В рамках указанного концепта положение Турции как региональной державы трансформируется. Стремясь получить статус мировой державы, она использует фактор контроля над Черноморскими проливами; создает собственную подсистему международных отношений в рамках Турецкого/Тюркского мира; повышает свою дипломатическую роль через попытки посредничества в конфликте в Украине; активно развивает военно-промышленный комплекс, действует в сфере частных военных компаний (SADAT) и наемничества для разрешения межгосударственных конфликтов посредством прокси-сил.

Активное участие Турции на своих геополитических флангах в Восточном Средиземноморье и Южном Кавказе в военно-политических операциях с разрешением в ее пользу показывает, что она использует занятость России в украинском кризисе и пока не намерена останавливать экспансию. Последнее сдвигает баланс в российско-турецких отношениях к преобладанию конкуренции над сотрудничеством в ближайшем будущем.

Принципы сохранения сотрудничества между современной Анкарой и Москвой соотносятся с имперской формулой и подтверждаются историей региона: контролирующий Черноморские проливы управляет Южным Причерноморьем, а контролирующий Крым – Северным. Таким образом, Россия и Турция обладают двумя ключами от региона, который, в свою очередь, становится одним из ключей к формирующемуся полицентричному мировому порядку³⁴.

Переход одного из ключей в третьи руки чреват обрушением государственности обеих держав. Лидеры большевистской России и кемалистской Турции это понимали и заключили Московский договор от 1921 года «О дружбе и братстве»³⁵. Тем не менее в ближайшем будущем любая из сторон может попытаться завладеть вторым ключом от Черного моря – в рамках исторической ретроспективы такие рефлексии были неоднократно.

Иран и Персидский мир. Персидский мир – менее очевидный геополитический проект (рис. 6). Он обуславливает для Ирана необходимость имперского возрождения как ответной стратегии на экспансионистские амбиции Турции в регионах, что пересекаются с зонами национальных интересов Исламской Республики [42]. Поскольку Турция и Иран исторически являются соперниками, процесс имперского возрождения одной из сторон оказывается принуждением к империи для другой, если, конечно, в планы руководства региональной державы не входит отказ от защиты государственных и, в данном случае, цивилизационных интересов.

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Ираном и Россией, подписанный 17 января 2025 г. (ст. 5.4³⁶), возвращает Иран на Южный Кавказ, где его не было более 200 лет (согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г. и Туркманчайскому договору 1828 г.).

³⁴ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе...

³⁵ Договор о дружбе и братстве между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Турецкой Республикой. Москва. 16.03.1921 г. [Электронный ресурс]. *Электронная библиотека исторических документов*. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136133> (дата обращения: 25.06.2025).

³⁶ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской республикой Иран (Москва, 17.01.2025 г.) [Электронный ресурс]. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/411314743/> (дата обращения: 25.06.2025).

Если принимать во внимание теорию цикличности мировых войн, то, возможно, мир находится внутри начала нового цикла, который географически ассоциируется с ЧР. В последние несколько десятилетий ЧР находится в ситуации динамических геополитических изменений: в 1991 г. началась его фрагментация в результате дезинтеграции Советского Союза и распада Восточного блока. Почти одновременно последовали наступление евро-атлантической платформы и попытки ее остановить со стороны, во-первых, Турции (несмотря на вовлеченность в западные военно-политические структуры), во-вторых, России.

В настоящее время ЧР находится в ситуации трансформации: его географические рамки определяются прибрежным принципом, однако геополитические варьируются в зависимости от интересов великих держав. Инициировали переосмысление региона американские «фабрики мысли», которые в 2000-е годы выдвинули концепции Евро-атлантического Причерноморья и Большого Черноморского региона.

Р и с. 6. Карта с проекцией Персидского мира

F i g. 6. The Persian World projection

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный ЧР оказался на перекрестке шести геополитических проектов, пять из которых очевидны. При этом каждая из изученных геополитических проекций выходит за пределы географического (прибрежного) и самого простого принципа, что выводит пространство вокруг Черного моря в макрорегиональное измерение и формирует Черноморский макрорегион (от др.-греч. *μακρός* – «большой», лат. *regio* – «область»; в широком смысле – географический ареал, объединяющий в группу несколько сопредельных регионов, совокупно обладающих общими чертами).

Конкуренция проектов имеет черты классической геополитической парадигмы. Современный Черноморский макрорегион представлен минимум в пяти моделях: Черноморско-Балтийского региона, Черноморско-Каспийского, Балто-Черномор-

ско-Каспийского, Черноморско-Средиземноморского, Средиземноморско-Черноморско-Каспийского региона, – это классический геополитический подход.

В критической же геополитической парадигме ситуация выглядит иначе: насыщенность Черноморского макрорегиона проекциями (Новороссией, Большим Черноморским регионом (США), Триморьем (Великобритания и США), Турецким, или Тюркским, миром и «Голубой Родиной», «Поясом и путем» и Персидским миром) имеет встречный характер (рис. 7). Большой Черноморский регион, Триморье и Тюркский мир разделяют Россию и Европу промежуточными территориями, одновременно вытесняя ее геополитическое пространство на Северо-восток Евразии, подальше от Мирового океана.

Американский Большой Черноморский регион, по сути, продолжает британскую логику Триморья на восток. При сопоставлении этих проекций обнаруживается преемственность с ранними схемами Х. Маккиндера (1904 – 1919 гг.) в смысле стремления контролировать Восточную Европу и Центральную Азию Евразии. В свою очередь, наступательность турецкой проекции в ЧР очевидна при синтезе геополитической логики сухопутной стратегии (Турецкого мира) и морской доктрины Анкары («Голубой Родины»). Сама же «Голубая Родина» направлена на экспансию в Средиземноморье, а Северное Причерноморье признается сферой влияния России. Иными словами, сухопутная стратегия Турции противоречит интересам России, а морская в целом их учитывает. На прикладном уровне это связано с двойной системой сдерживания, которую создал Запад в отношении России и Турции: сжимая руками турок русский флот в районе Черноморских (турецких) проливов, а турецкий флот – руками греков в районе Додеканесских островов.

Р и с. 7. Карта с наложением геополитических проекций в ЧР

F i g. 7. Map with overlapping geopolitical projections in the Black Sea region

Современные геополитические интересы России и Ирана в регионе, как показывают проекции на картах, практически не пересекаются. По всей видимости,

отсюда фактически состоявшийся военно-политический союз между Тегераном и Москвой, закрепленный 17 января 2025 года подписанием договора³⁷.

В классической геополитической парадигме современный Иран – один из ключей к контролю над Евразией для морских держав. В условиях независимости Индии (схема Х. Маккиндера от 1904 г.) он дает возможность проникнуть как на Восток Евразии – в Центральную Азию, так и на Запад – через Закавказье к Черному морю и Средиземноморью. В критической геополитике контроль над современным Ираном означает блокировку российских проекций (Новороссии и транспортного пути Север–Юг) и китайского проекта «Пояс и путь». Вероятно также, что «коридор Трампа» в Закавказье не сможет существовать или в полной мере быть реализован при успешном сохранении режима аятолл в Иране.

Все обозначенные проекции Черноморского макрорегиона, кроме «Пояса и пути», имеют геополитические причины и мотивы: экспансия как результат обеспечения безопасности и создания своего макрорегиона или продолжения обновленной логики глобализации. В таком контексте Россия и Китай скорее союзники. Однако ситуация, являющаяся следствием современной российской структуры экономики, возможно, имеет временный характер. Если Россия перейдет к курсу экономической модернизации, то она будет нуждаться в собственных рынках сбыта несырьевых товаров и в источниках сырья, и тогда китайская проекция станет конкурентным проектом.

Наиболее враждебны России проекты Большого Черноморского региона и Триморья: они не предполагают сохранения российской береговой линии в Черном море, а в британской версии – и на Балтике. В данных проекциях столкновение России и Турции неминуемо и выступает лишь вопросом времени. Избежать этого возможно в случае доминирования в турецкой проекции логики «Голубой Родины» и сворачивания деятельности Организации тюркских государств. Однако Анкара, по всей видимости, будет стремиться синхронизировать сухопутную и морскую стратегии, что также угрожает национальным интересам России. Это подтверждается присоединением Турецкой Республики к англо-американской проекции Триморья осенью 2025 года, что соответствует тезису о динамичности описанных геополитических проекций вследствие силы или слабости оппонента в многосторонней конкуренции формирующегося нового мира.

Каждая великая нация, входя в новый мировой порядок, выстраивает связанную с Мировым океаном экономическую и торговую логистику, которая не может успешно существовать без военно-политических договоров и взаимных гарантий. Россия вступила в конкуренцию за Новороссию и проект Север–Юг, реанимируя позиции прошлого в историческом зеркале торговых маршрутов «из варяг в греки» и Волго-Каспийского. Она соперничает с США и Северной Европой за логистический проект Северного морского пути. Две из трех мировых экономических логистик РФ в контексте конкуренции за позиции в новом мировом порядке зависят от уровня ее безопасности в Черном море. Наличие такого насыщенного противоборства на весьма ограниченном морском пространстве свидетельствует о том, что основные события в «битве за Черное море» впереди.

Публикация продолжает научную траекторию авторского коллектива в отношении исследования проблем безопасности Черноморского макрорегиона с учетом

³⁷ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве...

широкой интерпретации термина «безопасность» и в условиях разворачивающегося глобального конфликта. Исследование будет интересно ученым, политикам-практикам, работникам дипломатических ведомств и аналитических центров частных и государственных организаций.

К ограничениям исследования относятся высокая динамика международной ситуации на региональном и глобальном уровнях, а также частичная закрытость данных о реализуемых внешнеполитических стратегиях, что компенсируется множественной верификацией информации на трех уровнях политических решений: концептуальном, доктринальном, практической реализации и в рамках применяемой методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ислямова Э.Э. Геополитическое значение Черноморского региона: теоретико-концептуальное измерение. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2017;3(4):124–133. URL: <https://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/124-133-isl.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Ислямова Э.Э. Страны Черноморского региона: концептуальное определение и освещение в российских диссертационных работах. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2017;22(44):181–188. URL: <https://clck.ru/3RWjn2> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021;21(3):498–516. URL: <https://sochum.ru/s2313-0660000884-9-1/> (дата обращения: 25.06.2025).
4. Чихарев И.А., Бровко В.Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы. *Русская политология*. 2018;(4):47–54. URL: https://rupolology.ru/wp-content/uploads/2019/03/08_Chiharev.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
5. Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований. *Полис. Политические исследования*. 2021;(3):129–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints. *Geopolitics Quarterly*. 2020;15(4):110–121. URL: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (дата обращения: 15.06.2025).
7. Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021;21(3):429–440. <https://www.elibrary.ru/eknaro>
8. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2021;23(3):348–363. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-rossiysko-turetskih-otnosheniy-v-chernomorskom-regione> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2024;24(1):7–22. <https://www.elibrary.ru/dhspmy>
10. Мозлоев А.Т. Российско-турецкий фактор региональной стабильности. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024;(1):7–16. URL: <https://clck.ru/3RqNYr> (дата обращения: 15.06.2025).
11. Айвазян Д.С. США и идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2024;(1):53–66. <https://doi.org/10.31857/S2686673024010049>
12. Сидоров А. Черноморский регион и инициатива Китая «Один пояс – один путь». *Международная жизнь*. 2024;(12):58–61. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122024/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

13. Офицеров-Бельский Д.В. Трансформация Инициативы трех морей в контексте конфликта вокруг Украины. *Россия и новые государства Евразии*. 2024;(4):191–199. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-4-191-199>
14. Валиахметова Г.Н., Герман М.А. Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу «Один пояс – один путь». *Научный диалог*. 2020;(2):322–332. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-322-332>
15. Козьменко С.Ю. Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры». *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2022;16(4):121–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129>
16. Высоцкий П.А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2024;26(3):569–583. URL: <https://clck.ru/3RqVXF> (дата обращения: 15.06.2025).
17. Колесников А. Два берега – одно море. Проблема взаимодействия стран Черноморского региона. *Международная жизнь*. 2025;(1):20–23. <https://www.elibrary.ru/etfgox>
18. Panchuk R. Scientific Researches of Geopolitical Integration Concepts of the Baltic-Black Sea Region. *Scientific Journal of Polonia University*. 2020;39(2):242–254. <https://doi.org/10.23856/3935>
19. Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region. *European Scientific Journal*. 2023;19(39):58–64. <https://doi.org/10.19044/esj.2023.v19n39p58>
20. Mahmutaj N. The New Geopolitical Order in the Black Sea: Russia's Role in the Area. *Connections: The Quarterly Journal*. 2023;22(3):45–58. URL: https://connections-qj.org/system/files/22.3.06_russia_role.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
21. Hochberg M., Hochberg L. “Confining the Enemy” – Halford Mackinder’s Theory of Containment and the Conflict in Ukraine. *Naval War College Review*. 2023;76(2):7. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol76/iss2/7> (дата обращения: 15.06.2025).
22. Плиев С.М. Новая государственность на постсоветском пространстве. *Наука. Культурология. Общество*. 2015;21(3):65–74. <https://www.elibrary.ru/kddiac>
23. Шатило И.С. Новороссия как историческая реальность и политический проект. *Власть*. 2015;(2):38–44. <https://www.elibrary.ru/tntvnj>
24. Nekliudov N. Russian World in Ukraine: Soft Power Implementation in Crimea and «Novorossia». *Российский журнал исследований национализма*. 2017;(1):38–44. <https://www.elibrary.ru/ypcmal>
25. Пашковский П.И. Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019;19(3):335–340. URL: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/teoriya-novorossii-v-krymskom-socialno-gumanitarnom-diskurse> (дата обращения: 15.06.2025).
26. Прудников А.А. Есть ли у проекта «Новороссия» государственная перспектива? (к вопросу о признании новообразующихся государств). *Власть и управление на Востоке России*. 2016;(1):149–152. <https://elibrary.ru/tohpie>
27. Узародов Д.И. Новороссия как субъект международной политики: проблемы и перспективы. *Наука Юга России*. 2016;12(1):75–83. URL: <https://clck.ru/3RWm49> (дата обращения: 15.06.2025).
28. Терских Л.А. Концептуальная основа теории «выживаемости» Новороссии как части Русского мира. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко*. 2018;(1):14–27. <https://elibrary.ru/xredxf>
29. Чернышов М.М. Потенциал пространственного развития западных приграничных территорий России в новых геополитических условиях. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022;(12):121–133. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-12-121-133>
30. Стоколос М.Д. Русская идентичность Донбасса: исторический аспект. *Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований*. 2023;(17):30–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-identichnost-donbassa-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 15.06.2025).
31. Фоменко В.Г. Приднестровье как часть Русского мира. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2024;(2):65–71. URL: <https://clck.ru/3RWmk6> (дата обращения: 15.06.2025).
32. Миллер А.И. Украина – историческая политика в дискуссии о регионах. *Россия в глобальной политике*. 2025;23(5):128–145. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-128-145>

33. Гасымлы М.Д. Политика государств Антанты после Первой мировой войны и российско-турецкое сближение. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2020;(3):73–82. <http://vestnikpolit.ru/articles/article/1168/>
34. Гурьев Е.П. Черноморский флот и врангелевская эпопея. *Russian Colonial Studies.* 2020;(2):17–22. <https://elibrary.ru/syzzzn>
35. Ирхин А.А., Чихарев И.А. Россия и Большое Средиземноморье 1783–1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя. *Парадигмы истории и общественного развития.* 2018;(12):48–57. <https://elibrary.ru/vubbht>
36. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., Немцев В.В. Новый американский «изоляционизм» Д. Трампа: чего ждать России в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье? *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология.* 2025;11(1):71–86. <https://doi.org/10.29039/2413-1695-2025-11-1-71-86>
37. Павленко М.Г., Демешко Н.Э. Роль польских НКО в постсоветской трансформации Украины. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология.* 2023;9(1):117–133. <https://elibrary.ru/uonxbu>
38. Дегоев В.В. Где и когда началась «большая игра»? *Россия в глобальной политике.* 2025;23(1):152–169. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-152-169>
39. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение. *Сравнительная политика.* 2018;9(3):61–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativa-poyasa-i-puti-soderzhanie-tseli-i-znachenie> (дата обращения: 15.06.2025).
40. Лю С. Политика Китайской Народной Республики в Причерноморье (1976–2022 гг.). *Международные отношения.* 2023;(1):27–38. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39559>
41. Дегтерев Д.А. Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая». *Россия и мир: научный диалог.* 2024;(4):20–33. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-20-33)
42. Семенов В. Международный контекст формирования макрорегиона Большой Юг России. *Международная жизнь.* 2025;(12):42–47. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122025/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

REFERENCES

1. Islyamova E.E. The Geopolitical Significance of the Black Sea Region: The Theoretical and Conceptual Dimension. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology.* 2017;3(4):124–133. (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://sn-phil-cultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/124-133-isl.pdf> (accessed 15.06.2025).
2. Islyamova E.E. The Countries of the Black Sea Region: Conceptual Definition and Coverage in the Russian Dissertations. *Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science.* 2017;22(44):181–188. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RWjn2> (accessed 15.06.2025).
3. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations.* 2021;21(3):498–516. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sochum.ru/s2313-06600000884-9-1/> (accessed 15.06.2025).
4. Chikharev I.A., Brovko V.Yu. [Digital Regional Studies of the Greater Mediterranean: Outlines of a Research Program]. *Russian Political Science.* 2018;(4):47–54. (In Russ.) Available at: https://rupolity.ru/wp-content/uploads/2019/03/08_Chikharev.pdf (accessed 15.06.2025).
5. Chikharev I.A. The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. *Polis. Political Studies.* 2021;(3):129–146. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints. *Geopolitics Quarterly.* 2020;15(4):110–121. Available at: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (accessed 15.06.2025).

7. Aghazada M.M. Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):429–440. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/eknarо>
8. Avatkov V.A., Gudev P.A. Geopolitics of Russian-Turkish Relations in the Black Sea Region. *Vestnik RUDN. Political Science*. 2021;23(3):348–363. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-rossiysko-turetskih-otnosheniy-v-chernomorskom-regione> (accessed 15.06.2025).
9. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. Turkish Balance, or Turkey's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024;24(1):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/dhspmj>
10. Mozloev A.T. Russian-Turkish Factor of Regional Stability. *Middle and Post-Soviet East*. 2024;(1):7–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RqNYr> (accessed 15.06.2025).
11. Ayvazyan D.S. The USA and the Ideological Principles of NATO Policy in the Black Sea Region. *USA and Canada: Economics – Politics – Culture*. 2024;(1):53–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S2686673024010049>
12. Sidorov A. [Black Sea Region and China's “One Belt, One Road” Initiative]. *The International Affairs*. 2024;(12):58–61. (In Russ.) Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122024/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 15.06.2025).
13. Ofitserov-Belskiy D.V. Transformation of the Three Seas Initiative in the Context of the Conflict Over Ukraine. *Russia and New States of Eurasia*. 2024;(4):191–199. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-4-191-199>
14. Valiakhmetova G.N., German M.A. Peculiarities of Turkey's Integration into the Chinese Initiative “One Belt – One Way”. *Nauchnyi dialog*. 2020;(2):322–332. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-322-332>
15. Kozmenko S.Yu. The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game”. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;(4):121–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129>
16. Vysotsky P.A. Geopolitics of the Black Sea Region: Key Problems of the Modern Era. *Vestnik RUDN. Political Science*. 2024;26(3):569–583. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RqVXF> (accessed 15.06.2025).
17. Kolesnikov A. [Two Shores, One Sea: The Challenge of Interaction between Black Sea Region Countries]. *International Affairs*. 2025;(1):20–23. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/etfgox>
18. Panchuk R. Scientific Researches of Geopolitical Integration Concepts of the Baltic-Black Sea Region. *Scientific Journal of Polonia University*. 2020;39(2):242–254. <https://doi.org/10.23856/3935>
19. Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region. *European Scientific Journal*. 2023;19(39):58–64. <https://doi.org/10.19044/esj.2023.v19n39p58>
20. Mahmutaj N. The New Geopolitical Order in the Black Sea: Russia's Role in the Area. *Connections: The Quarterly Journal*. 2023;22(3):45–58. Available at: https://connections-qj.org/system/files/22.3.06_russia_role.pdf (accessed 15.06.2025).
21. Hochberg M., Hochberg L. “Confining the Enemy” – Halford Mackinder's Theory of Containment and the Conflict in Ukraine. *Naval War College Review*. 2023;76(2):7. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol76/iss2/7> (accessed 15.06.2025).
22. Pliev S.M. New Statehood on the Post-Soviet Space. *Science. Culture. Society*. 2015;21(3):65–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/kddiac>
23. Shatilo I.S. Novorossia as the Historical Reality and the Political Project. *Vlast*. 2015;(2):38–44. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/tntvnj>
24. Nekliudov N. Russian World in Ukraine: Soft Power Implementation in Crimea and “Novorossia”. *Rossiyskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*. 2017;(1):38–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ypcmal>
25. Pashkovsky P.I. [Theory of Novorossia in the Crimean Socio-Humanitarian Discourse]. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2019;19(3):335–340. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-335-340>
26. Prudnikov A.A. Does the “Novorossia” Project Have a Perspective for Statehood? (On the International Recognition of Newly-Created States). *Power and Administration in the East of Russia*. 2016;1(74):149–152. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tohpie>

27. Uznarodov D.I. Novorossiya as a Subject of International Politics: Problems and Prospects. *Science in the South of Russia*. 2016;12(1):75–83. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RWm49> (accessed 15.06.2025).
28. Terskikh L.A. Conceptual Basis of the Theory of “Survival” of Novorossiya as Part of the Russian World. *The Journal Lugansk Academy of Internal Affairs Named by E.A. Didorenko*. 2018;(1):14–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xredxf>
29. Chernyshov M.M. Potential of Spatial Development of Russia's Western Border Territories in New Geopolitical Conditions. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2022;(12):121–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-12-121-133>
30. Stokolos M.D. Russian Identity of Donbass: Historical Aspect. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2023;(17):30–44. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-identichnost-donbassa-istoricheskiy-aspekt> (accessed 15.06.2025).
31. Fomenko V.G. Pridnestrovie as a Part of the Russian World. *Journal of Historical, Political and International Studies*. 2024;(2):65–71. (In Russ.). Available at: <https://clck.ru/3RWmk6> (accessed 15.06.2025).
32. Miller A.I. Ukraine – History Politics in the Discussion about Regions. *Russia in Global Affairs*. 2025;23(5):128–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-128-145>
33. Qasimli M.D. Policies of the Entente Powers After the First World War and Russian-Turkish Rapprochement. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences*. 2020;(3):73–82. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/1168/> (accessed 15.06.2025).
34. Guryev Ye.P. [The Black Sea Fleet and the Wrangel Epic]. *Russian Colonial Studies*. 2020;(2):17–22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/syzzzn>
35. Irkhin A.A., Chikharev I.A. Russia and the Mediterranean Macro-Region in 1783–1920: from the Accession of Crimea to Russia to Evacuation of the White Elite From Sevastopol. *Paradigms of History and Social Development*. 2018;(12):48–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/vubbht>
36. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E., Nemtsev V.V. New Trump’s “Isolationism”: What Should Russia Expect in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean? *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*. 2025;11(1):71–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/2413-1695-2025-11-1-71-86>
37. Pavlenko M.G., Demeshko N.E. The Role of Polish Non-Profit Organisations in the Post-Soviet Transformation of Ukraine. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*. 2023;9(1):117–133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uonxbu>
38. Degoev V.V. Where and When Did the “Great Game” Start? *Russia in Global Affairs*. 2025;23(1):152–169. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-152-169>
39. Kireeva A.A. Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications. *Comparative Politics Russia*. 2018;9(3):61–74. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iniatsiativa-poyasa-i-puti-soderzhanie-tseli-i-znachenie> (accessed 15.06.2025).
40. Liu X. Policy of the People's Republic of China in the Black Sea Region (1976–2022). *International Relations*. 2023;(1):27–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39559>
41. Degtarev D.A. The Major Types of Power in the International Arena: Structural Power, Power of Interdependence, “Hard” and “Soft” Power. *Russia and World: Scientific Dialogue*. 2024;4(14):20–33. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-20-33)
42. Semenov V. [International Context of the Formation of the Greater South of Russia Macro-Region]. *International Affairs*. 2025;(12):42–47. (In Russ.) Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122025/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 15.06.2025).

Об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-кт Академика Вернадского, д. 4.), главный научный сотрудник Дирекции научной деятельности Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Researcher ID: A-4781-2019, Scopus ID: 57212405239, alex.irhin@mail.ru

Мурадов Георгий Львович, кандидат исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, директор Научно-образовательного Центра исследований проблем российской цивилизации в современном мире МГИМО-Университета (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76), заместитель Председателя Совета министров Республики Крым (295005, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-кт Кирова, д. 13), Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2806-5821>, Researcher ID: IYS-1540-2023, Scopus ID: 58891619000, pprk@ppcrimea.ru

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Researcher ID: F-2699-2016, Scopus ID: 57211746837, kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-философских и политических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Researcher ID: ABY-8555-2022, Scopus ID: 57759845100, natalidem93@mail.ru

Немцев Владимир Владимирович, профессор кафедры социально-философских и политических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), Председатель Законодательного Собрания города Севастополя (299011, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Ленина, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4909-2006>, nemcev71@gmail.com

Вклад авторов:

А. А. Ирхин – разработка концепции; разработка методологии; научное руководство; написание черновика рукописи.

Г. Л. Мурадов – проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

О. А. Москаленко – проведение исследования; написание черновика рукописи; визуализация.

Н. Э. Демешко – проведение исследования; написание черновика рукописи.

В. В. Немцев – проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 15.07.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 24.12.2025.

About the authors:

Aleksandr A. Irkhin, Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Professor of the Chair of Political Science and International Relations at the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russian Federation), Chief Researcher at the Directorate of Scientific Activities of the Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Researcher ID: A-4781-2019, Scopus ID: 57212405239, alex.irhin@mail.ru

Georgiy L. Muradov, Cand.Sci. (Hist.), Professor of the Chair of Comparative Political Science at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs,

Director of the Scientific and Educational Center for Research on Problems of Russian Civilization in the Modern World, MGIMO University (76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation), Deputy Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Crimea (13 Prospekt Kirova, Simferopol 295005, Russian Federation), Permanent Representative of the Republic of Crimea to the President of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2806-5821>, Researcher ID: IYS-1540-2023, Scopus ID: 58891619000, pprk@pprcrimea.ru

Olga A. Moskalenko, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation, Leading Researcher at the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Researcher ID: F-2699-2016, Scopus ID: 57211746837, kerulen@bk.ru

Natalia E. Demeshko, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor of the Chair of Social, Philosophical and Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Researcher ID: ABY-8555-2022, Scopus ID: 57759845100, natalidem93@mail.ru

Vladimir V. Nemtsev, Professor of the Chair of Social, Philosophical and Political Sciences, Leading Researcher at the Institute of Social Sciences and International Relations of Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), Chairman of the Legislative Assembly of Sevastopol (3 Lenin St., Sevastopol 299011, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4909-2006>, nemcev71@gmail.com

Contribution of the authors:

A. A. Irkhin – conceptualization; methodology; supervision; writing – original draft preparation.

G. L. Muradov – investigation; writing – review and editing.

O. A. Moskalenko – investigation; writing – original draft preparation; visualization.

N. E. Demeshko – investigation; writing – original draft preparation.

N. V. Nemtsev – investigation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 15.07.2025; revised 09.12.2025; accepted 24.12.2025.